О ТОМЪ,

ЧТО БЫЛА БИБЛІЯ

У

ПЕРВЫХЪ ХРИСТІАНЪ,

СЪ КАКИМЪ РАСПОЛОЖЕНІЕМЪ ДУХА

И

СЪ КАКИМЪ НАМѢРЕНІЕМЪ ОНИ ЕЕ ЧИТАЛИ?

ТАКЖЕ,

ДЛЯ ЧЕГО НАДЛЕЖАЛО БЫ НАМЪ НЫНѢ БОЛѢЕ,
НЕЖЕЛИ КОГДА ЛИБО ЧИТАТЬ ОНУЮ ТАКИМЪ
ЖЕ ОБРАЗОМЪ, КАКЪ ПЕРВЫЕ ХРИСТІАНЕ
ЕЕ ЧИТАЛИ?

Переводъ съ Нѣмецкаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА

1818.

Печатать позволяется.

Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Иннокентій.

Маія 9 дня 1818.

I.

Библія была у первыхъ Христіанъ единственною книгою для поученія, для утѣшенія и для назиданія. Превѣчная, самобытная Премудрость — Богъ съ неизреченною любовію торжественно возвѣстилъ себя въ оной Творцемъ, Хранителемъ и Отцемъ всѣхъ разумныхъ существъ, и человѣки могли впредь оставаться безопасными отъ всякихъ заблужденій, когда превѣчный умъ, принялъ самъ на себя ими руководствовать. *Моисей и Пророки*: какіе человѣки Божіи! гдѣ можно обрѣсти имъ подобныхъ? — Десять заповѣдей, сіе твердое законоположеніе Божества, суть и пребудутъ во вѣки кореннымъ уложеніемъ, заключающимъ въ себѣ всѣ гражданскіе и нравственные законы. Преимущественнѣе же всего почитали первые Христіане *Новый Завѣтъ*, яко богатѣйшее наслѣдіе послѣ Господа и Наставника ихъ, не оставившаго ихъ сирыхъ, по шествіи Своемъ ко отцу. Евангеліе Его было завѣщанное, богатое, семейное имущество, которое никогда расточено быть не могло. Искупивъ ихъ кровію Своею, нарекъ Онъ ихъ сонаслѣдниками царствія Своего; а дабы не могли никогда возникнуть какія-либо въ томъ сомнѣнія, то оставилъ Онъ въ рукахъ ихъ божественныя о томъ свидѣтельства, кои хотя могли ложно быть истолкованы, но никогда не могли быть поддѣланы. — Нѣтъ ничего простѣе, трогательнѣе и привлекательнѣе, какъ повѣствованіе о божественной Его жизни, о дѣяніяхъ и участи Его; и естьли бы кто могъ прочитанныя имъ Евангелія покинуть безъ исправленія сердца, или по крайней мѣрѣ безъ искрен-

няго желанія исправиться, тотъ уже исправиться не можетъ. Истина и божественность Евангелія, даже при недостаткѣ всякихъ наружныхъ доказательствъ, могутъ самымъ неоспоримымъ образомъ обнаружены быть до зодами собственнаго внутренняго убѣжденія. И кто съ простымъ, искреннимъ, смиреннымъ сердцемъ исполняетъ заповѣди Христовы, тотъ непремѣнно почувствуетъ, что ученіе Его есть отъ Бога. Смерть Его — не одно только запечатлѣніе Его ученія, какъ враги Его ложно мнятъ — была для первыхъ Христіанъ *знаменіемъ завѣта между Богомъ и человѣками*, для всѣхъ благочестивыхъ утѣшеніемъ, а для грѣшниковъ спасительнымъ возбужденіемъ, дабы сокрушились сердца ихъ и познали благодать и милосердую любовь Отца, и въ Немъ бы искали отпущенія грѣховъ, новой жизни и вѣчнаго блаженства. А по сему признаніе смерти Іисуса Христа *жертвою всѣхъ жертвъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ вещественнымъ доказательствомъ дарованнаго намъ помилованія, было искони почитаемо Апостолами и всѣми вѣрными Христіанами главнымъ и кореннымъ ученіемъ, средоточіемъ и ядромъ всего Священнаго Писанія и Христіанства *). Да и никогда не будетъ времени, въ которое бы Апостольское упованіе на Распятаго, могло, яко излишнее, быть отвергнуто, или, яко недостаточное, исправлено. Гораздо прежде, нежели грѣховному міру предложено было со креста

*) 1 Петр. гл. 1. ст. 19. гл. 2. ст. 24. 1 Кор. гл. 1. ст. 30. 2 Кор. гл. 5. ст. 21. Ефесс. гл. 1. ст. 7. Колос. гл. ст. 14. Евр. гл. 10. ст. 10. Солун. гл. 1. ст. 10. Римл. гл. 3 ст. 24. гл. 5. ст. 18—21. 1 Іоан. гл. 1. ст. 7. 1 Тимоѳ. гл. 2. ст. 6. Тит. гл. 2. ст. 14. Іоан. гл. 1. ст. 29. гл. 6. ст. 51. Матѳ. гл. 20. ст. 28.

примиреніе и благодать, стѣсненное человѣческое сердце пламеннымъ желаніемъ чрезъ тысящелѣтія къ тому стремилось, да и будетъ всегда стремиться, доколѣ въ людяхъ не угаснетъ желаніе быть причастниками благодати Божіей. Ибо стремительное сіе желаніе происходитъ естественно отъ гнетущаго чувствованія нашего беззаконія и нашего недостоинства предъ Богомъ, равно какъ и изъ дознанной немощи нашей освободиться самимъ собою отъ вины и наказанія, или загладить содѣянное нами зло. И такъ вѣрованіе, что необходимо намъ нужно посредничество и примиреніе свыше, столь же древне, какъ и самый міръ. Христіанство подтвердило токмо оное самимъ дѣломъ и запечатлѣло оное превосходною своею печатью. Стенящая, окровавленная Голгофа пребудетъ вѣчнымъ тому свидѣтелемъ. А потому всѣ, противъ Библейскаго ученія о примиреніи дерзновенно порожденныя сомнѣнія, суть столь же безразсудны, какъ безплодны суть и навсегда пребудутъ всѣ старанія о согласованіи сего божественнаго ученія съ гордымъ разумомъ человѣческимъ, доколѣ сердце не почувствуетъ потребности въ примиреніи свыше, и не возжелаетъ соединиться паки съ Богомъ чрезъ Іисуса Христа. По сей-то причинѣ первые Христіанскіе учители, преподавая таковыя къ сердцу относящіяся истины, требующія внутренняго ощущенія, наслажденія ими въ полной довѣренности и съ благодарною любовію, и приспособленія оныхъ съ самою строгою совѣстію къ встрѣчающимся въ быту человѣческомъ житейскимъ обстоятельствамъ, ничего не избѣгали столько, какъ того, чтобы не входить ни для объясненія тѣхъ истинъ, ни для содѣланія оныхъ пріятнѣйшими, ни въ какія школь-

ныя доказательства, или витіеватыя рѣчи; ибо они совершенно удостовѣрены были, что по признанію и увѣщанію Св. Апостола Павла (1. Кор. гл. 1. ст. 17—31.) *слово крестное* лишается чрезъ то своей силы и содѣлывается презрительнымъ. И для того Апостольскіе отцы церковные убѣгали также въ дружественныхъ и искреннихъ своихъ бесѣдахъ, имѣвшихъ предметомъ толкованіе Евангелія, всякаго блеска человѣческой мудрости и краснорѣчія; держались строго слова Божія, настаивали въ томъ, чтобъ и слушатели онаго держались твердо Евангелія, яко испытанной *силы Божіей во спасеніе всякому вѣрующему* Рим. гл. 1. ст. 16. и ни на пядь не отступали отъ простаго буквальнаго смысла Священнаго Писанія. Такимъ образомъ царствовало удивленія достойное согласіе и единообразіе у первыхъ Христіанъ съ ихъ настоятелями и учителями въ вѣрѣ и житіи, вожделѣніяхъ и упованіяхъ, равно какъ и въ томъ, что дѣлать надлежитъ и чего избѣгать должно. Согласіе сіе возбуждалось не принужденіемъ какимъ либо, или наружною властію, а только силою истины и любви; оно утверждалось и сохранялось усерднымъ благовѣствованіемъ слова Божія и тщательнымъ упражненіемъ въ ономъ. Силу и дѣйствія онаго познавали они не изъ однихъ наслышекъ, но и изъ собственныхъ своихъ опытовъ. Таковые внутренніе опыты, въ которыхъ исправленное сердце служитъ надежнѣйшимъ и самымъ неопровергаемымъ свидѣтельствомъ, были для первыхъ Христіанъ яснѣйшими и сильнѣйшими доказательствами истины и Божественности Евангелія, къ которому Христіанскіе сподвижники добродѣтели прилѣплялись съ такою искреннею и пламенною

любовію, съ такою твердою и непоколебимою вѣрностію, что ни что на свѣтѣ не было въ состояніи поколебать въ нихъ вѣру во Іисуса Христа, и въ небесное Его ученіе, и въ Его обѣтованіе. И отъ сего-то произошло отвращеніе ихъ ко всякой новизнѣ, и ко всякому даже малѣйшему отступленію отъ простаго Библейскаго ученія, преподаннаго Апостолами, и отъ нихъ перешедшаго къ ихъ послѣдователямъ. Естьли отваживался какой-либо лжеучитель, или же иной какой превратный умствователь предлагать подозрительныя или вѣрѣ противныя правила, несогласныя съ содержащимся въ Св. Писаніи ученіемъ Іисусовымъ и вѣрныхъ его Апостоловъ, то вѣрующіе затыкали себѣ уши, и извѣщали тотчасъ о томъ духовныхъ своихъ пастырей, которые умѣли вводителей новостей скоро выводить изъ заблужденій, или побѣждать ихъ силою Слова Божія. Такимъ образомъ случалось, что многія возникшія въ теченіе первыхъ столѣтій ереси, безъ соборныхъ опредѣленій и торжественныхъ судебныхъ приговоровъ церкви, въ тишинѣ были пресѣкаемы и исчезали безъ шума. О ревности первыхъ Христіанъ, о любви, уваженіи и твердой приверженности ихъ къ слову Божію и къ вѣрнымъ благовѣстителямъ онаго, едва ли можемъ мы нынѣ составить себѣ понятіе. Они были не токмо прилѣжные слушатели, но и вѣрные хранители и послѣдователи слова Божія; поучались оному у себя по домамъ, и денно и нощно предавались священнѣйшимъ объ ономъ размышленіямъ. Отцы семействъ особливо всѣми мѣрами пеклись о томъ, чтобы слышанныя въ собраніяхъ божественнаго служенія толкованія Священнаго Писанія повторять у себя дома и вкоренять оныя въ серд-

ща домочадцевъ своихъ *). Сими способами Христіанскіе отцы семействъ, по желанію и наставленію Св. Апостоловъ и первыхъ Христіанскихъ Епископовъ, содѣлывались, каждый въ кругу своего семейства, такъ сказать, домашними проповѣдниками, или семейными попечителями душъ. По свидѣтельству Св. Іоанна Златоуста **), частныя жилища Христіанъ составляли столько же церквей и молитвенныхъ домовъ, въ коихъ юные вѣрующіе, посредствомъ наставленій, молитвъ и трогательнаго примѣра благочестивыхъ отцовъ своихъ, образовались въ дѣятельномъ Христіанствѣ, и содѣлывались способными запечатлѣть кровію своею вѣру свою во Іисуса Христа, Спасителя и Искупителя рода человѣческаго. Сію геройскую вѣру почерпали первые Христіане изъ Библіи, и ею подкрѣпляли и поддерживали оную. Евангеліе было ихъ Катихизисомъ, псалмы Давидовы книгою духовныхъ ихъ пѣсней и молитвенникомъ, книга Іова, притчи Соломоновы и его Еклезіастъ, книгами утѣшенія и нравоученія, изъ коихъ всѣ вѣрующіе поучались, назидались, подкрѣплялись и утверждались въ вѣрѣ, надеждѣ и любви къ Богу и ко Христу. Усердные и вѣрные ихъ настоятели и учители приводили ихъ всѣхъ къ единственному источнику утѣшенія и силы, изъ коего истекаетъ свѣтъ, любовь и жизнь. Мутить воду живоптную для ввѣренной имъ паствы, или отводить оную, или же давать

---

*) Constitut. Apost. IV, 19. Chrysostom. homil. 29. in cap. genes. такожъ hom. 9. in cap. Matth. 1 homil. 5. тамъ же hom. 8. de Lazaro homil. 10. in cap. Hos. 1. hom. 9. in cap. 3. ad Coloss.

**) Homil. 36. in epist. ad Corinth.

ее въ маломъ количествѣ, а наконецъ и вовсе лишать оной, почли бы первые Христіанскіе учители измѣною противъ верховнаго Пастыря душъ нашихъ, 1. Петр. гл. 2. ст. 25. Одни только наемники могли, въ позднѣйшія времена, впасть въ таковое вѣроломство противъ ихъ паствы. Все то, чего живщіе въ послѣдующіе вѣки Христіане тщетно искали въ искуственныхъ катихизисахъ, холодныхъ, поучительныхъ и назидательныхъ книгахъ, и проч. и проч., находили первые Христіане съ избыткомъ въ Библіи. Что суть безсильныя, и духомъ неоживотворенныя словеса человѣческія противъ могущественнаго глагола Господня, постигшаго земные народы, устрашившаго самыхъ большихъ грѣшниковъ, смирившаго Царей, и сохранившагося посреди всѣхъ враговъ своихъ, чрезъ многія тысячи лѣтъ до нашихъ временъ? И такъ Библія была для первыхъ Христіанъ величайшимъ сокровищемъ. Многіе знали ее всю, или по крайней мѣрѣ цѣлыя книги, и главы изъ оной, наизусть. Кто во время гоненія столь робокъ и низокъ былъ, что выдавалъ Священное Писаніе языческимъ судьямъ, тотъ навлекалъ на себя всеобщее презрѣніе и поношеніе, и не иначе могъ опять примириться съ прочими вѣрующими, оставшимися непоколебимыми, какъ по тяжкомъ, иногда на всю жизнь продолжавшемся, церковномъ покаяніи. Въ пустыняхъ, и ущеліяхъ, куда во время жестокаго гоненія Императора Діоклитіана скрылось большое число Христіанъ, чтеніе Библіи было утѣшительнѣйшимъ ихъ занятіемъ. Женщины высокаго и низкаго состоянія читали оную съ одинакимъ вожделѣніемъ и священною алчностію *). До край-

*) Имена Леты, Целантіи, Деметріады, Гедибіи, Фавіо-

ности трогательны суть жалобы святыхъ мученицъ: *Агапіи, Хіоніи и Ирины* о потерѣ ихъ Священнаго Писанія, изъ коего поучаясь съ самой нѣжной юности денно и нощно, обрѣтали блаженнѣйшее въ томъ упражненіе, и по коимъ онѣ въ преисполненныхъ ужаса пустыняхъ, куда на нѣкоторое время отъ ярости ихъ кровожаждущихъ гонителей скрывались, проливая горестнѣйшія слезы *). Первые Христіане не знали и не искали индѣ утѣшенія и наставленія, какъ токмо въ Библіи. Они находили въ томъ свое благополучіе, и имѣли Библію, яко божественный оракулъ, во всѣхъ бѣдствіяхъ и даже въ самой смерти всегда при себѣ; ибо въ последующія времена найдены были иногда въ могилахъ Христіанъ Евангелія, еще не истлѣвшія на грудяхъ до смерти истерзанныхъ мучениковъ и другихъ вѣрныхъ свидѣтелей Іисусовыхъ, кои въ радости и упованіи на божественныя Его изрѣченія и обѣтованія, провели жизнь и скончались.

II.

Съ какимъ священнымъ расположеніемъ духа и съ какимъ священнымъ намѣреніемъ первые Христіане читали Священное Писаніе, сіе уже напередъ узнать можно. Знаменитѣйшіе языческіе мудрецы (Тимей Локрійскій, Платонъ, Цицеронъ и др.) въ полной мѣрѣ чувствовали и торжественно признавались, что грѣхопаденi-

---

лы, Алгазіи, Салвины, Фуріи, Марцеллы, Принципіи, Блезиллы, Евстихіи, Фавіи, Өеодоры, Озелла, и пр. суть въ Исторіи Церковной памятники, свидѣтельствующіе какъ о всеобщемъ, такъ и о полезномъ и спасительномъ чтеніи Библіи.

*) Acta SS. Martyrum, Agapas, Chioniae et Irene in Baronii Annal. ad. an. 304. no 46.

емъ познаніе природныхъ обязанностей до того помрачено, что одного свѣта разума не достаточно для пріобрѣтенія познанія о Богѣ и для воздания Ему достойнаго и святой Его волѣ соотвѣтственнаго поклоненія. И по тому всѣ набожные язычники чувствовали потребность въ божественномъ откровеніи и алкали онаго. Христіане, удостоившіеся счастія получить откровеніе въ даръ, изъ священныхъ своихъ свидѣтельствъ твердо и несомнѣнно знали, что духъ Божій не снисходитъ въ гордыя сердца, *ниже обитаетъ въ тѣлеси, повинненемъ грѣху*. Прем. гл. 1. ст 4. И для того старались они сердце свое, сколько возможно, очищать продолжительною молитвою, благочестивыми размышленіями и отреченіемъ отъ порочныхъ склонностей, желаній и вожделѣній, и содѣлать оное способнымъ къ принятію дѣйствій благодати Духа Святаго; ибо совершенное исцѣленіе сердца безъ просвѣщенія ума быть не можетъ, развращенные помыслы влекутъ за собою тьму, и нѣтъ инаго пути къ достиженію первоначальнаго свѣта, какъ чрезъ исправленіе воли. Духъ Святый есть не токмо духъ познаній, но и духъ нравственности. Отъ сего-то первые Христіане въ самыхъ древнихъ своихъ молитвахъ столь трогательно умоляли Духа Святаго, да просвѣтитъ умъ ихъ, да очиститъ сердце, и сотворитъ ихъ способными къ познанію и вѣрному исполненію божественныхъ истинъ; да укрѣпитъ ихъ въ добрѣ, и посредствомъ живой вѣры, упованія, благодарности и любви, соединитъ ихъ паки съ Богомъ, чрезъ Іисуса Христа, и содѣлаетъ ихъ блаженными на вѣки. О семъ божественномъ духѣ молился уже Давидъ въ 50. и 118. псалмѣ; ибо, безъ просвѣщенія и руководства Духа Свя-

таго, никто не можетъ научиться понимать въ точности Священное Писаніе и слѣдовать оному. И потому всѣ продерзкіе люди, кои осмѣливались приняться за Священное Писаніе съ неочищеннымъ сердцемъ, и съ однимъ только ученымъ, школьнымъ мечтаніемъ, наказаны были помѣшательствомъ ума, слѣпотою и заблужденіемъ. *Вольтеръ* отважился нѣкогда переложить въ стихи трогательную пѣснь покаянія вѣнценосваго пѣвца, 50. Псаломъ. Все шло хорошо до 11. стиха, въ коемъ зказано: *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже!* Гордость его, истинно-адская его ненависть къ Богу и къ покланяющимся Ему, не позволили ему вмѣстѣ съ кающимся Царемъ умолять Бога, о дарованіи ему чистаго и откровеннаго сердца; при всемъ томъ однако же усиливался онъ переложить стихъ сей піитически, но вдругъ онъ былъ объятъ ужасами ада! Перо нечестиваго окостенѣло въ проклятой его рукѣ, которая писала такое множество богохуленій и срамныхъ шутокъ къ развращенію невинности и къ ниспроверженію благочестія. Онъ хотѣлъ бѣжать, но не могъ! — Онъ упалъ въ немощь на софу, и потомъ многократно признавался друзьямъ своимъ, что онъ никогда безъ внутренняго ужаса и трепета не могъ вспоминать о семъ содрогательномъ происшествіи. . . . Первые Христіане, кои начинали всякое дѣло со смиреніемъ, и довершали любовію, знали изъ опыта, что научаться понимать божественныя изрѣченія и поученія Священнаго Писанія можно гораздо удобнѣе посредствомъ любви, нежели посредствомъ остроумныхъ толковъ, болѣе посредствомъ внутренняго ощущенія, нежели посредствомъ суемудрія, болѣе посредствомъ пла-

меннаго моленія и смиренныхъ слезъ, нежели посредствомъ обширныхъ ученыхъ изъясненій и толкованій. Смиренное дѣтское сердце можетъ токмо обнять, что слово Божіе есть единственная истина; что то, что въономъ повелѣвается, есть премудрая благость; что то, что въ ономъ обѣтовано, есть вѣчное блаженство, и такъ, истина безъ лжи; благость безъ коварства, чистое блаженство безъ примѣси бѣдствій! Такимъ образомъ первые Христіане находили и ощущали, что Слово Господне слаще меда и манны, драгоцѣннѣе злата и дорогихъ каменьевъ, и плодотворнѣе росы небесной. Имъ они услаждались и возвышались; имъ подкрѣпляли духъ и сердце, тогда, когда души нечистыя не обрѣтаютъ въ ономъ ничего божественнаго; ибо сердце гордое отженяетъ отъ себя вещи самыя божественныя; разсѣянная легкомысленная душа угашаетъ духъ; а въ сердцѣ, обремененномъ временными заботами, Слово Божіе заглушается терніемъ. И для того первые Христіане не читали Священнаго Писанія съ инымъ намѣреніемъ, какъ чтобы содѣлываться безпрестанно мудрѣе, благочестивѣе, и блаженнѣе въ Богѣ. И такъ *истина, святость воли и блаженство* составляли высокую ту цѣль, къ коей они единственно стремились. Ничто не можетъ равняться съ величественною простотою, нѣжностію и красотою небесной истины! Что доложенствуетъ быть необходимою истиною ко спасенію, низпосланною отъ Отца свѣтовъ и Бога всякихъ утѣхъ, это всѣ добрыя, чистыя и небесными мыслями исполненныя души вскорѣ познаютъ, возчувствуютъ и богатно тѣмъ воспользуются. Отличительное свойство сей истины есть святость. Какое ученіе требуетъ

болѣе освященія воли, какъ не *вѣра въ таинство вѣчной любви*, въ коемъ сокрыты всѣ сокровища небесной премудрости и блаженства! Всѣ же въ Священномъ Писаніи обрѣтаемыя главнѣйшія истины сосредоточиваются въ томъ, что на *любви* Бога Отца, *на благодати* Божественнаго Его Сына, и *на причастіи* Духа Святаго основывается все счастіе безсмертнаго человѣка; слѣдовательно и все его блаженство — и что любовь взаимная, радостная и благодарная къ Божественному Своему Избавителю, есть единственное средство къ достиженію обѣтованнаго человѣку блаженства. Сіи вѣчныя, спасительныя истины столь ясно и опредѣлительно, столь выразительно и съ такою любовію произнесены во всемъ Священномъ Писаніи, — столь просты и удобопонятны для простѣйшаго ума человѣческаго, и даже для дѣтей, а притомъ столь привлекательны и убѣдительны, что ясный свѣтъ Евангелія о славѣ Христовой только тѣми не можетъ быть видимъ, въ коихъ *Богъ вѣка сего ослѣпи разумы ихъ* 2. Кор. гл. 4. ст. 4.

Человѣкъ есть предметъ любви и вѣчной попечительности Божіей. Все Священное Писаніе, особливо же Новый Завѣтъ, на каждомъ листѣ, выражаетъ сію любовію исполненную попечительность Божества о лукавомъ и неиспытуемомъ родѣ человѣческомъ и выражаетъ оную съ такою любовію и твердостію, что сверхъ-естественное потребно и ослѣпленіе и ожесточеніе, дабы воспротивляться мановеніямъ Божіимъ, призывающимъ человѣка въ Отчія Его объятія. Вѣрованіе, что человѣкъ одаренъ собственною, могущественною силою, есть болѣзнь нашего вѣка; невѣріе, презрѣніе

къ Богу, оскорбленіе и кощунственное отверженіе священнѣйшихъ истинъ религіи въ наши дни весьма обыкновенны. И такъ ни въ какое время

III.

не имѣли Христіане болѣе причины держаться съ непоколебимою твердостію точнаго Слова Божія, какъ въ наши злочестивыя времена. Времена сіи столь живо и выразительно описаны въ Библіи, см. 2. Петр. гл. 3. 2. Тим. гл. 3. ст. 1. 2. Солун. гл. 2. ст. 3. 9., что ни малѣйшаго не льзя имѣть сомнѣнія въ томъ, чтобы тѣ вдохновенныя и самимъ Богомъ въ событіяхъ отдаленной будущности наставленные мужи, имѣли въ виду иныя какія-либо времена, кромѣ нашихъ богоотступныхъ временъ. *Обаче же Сынъ человѣческій пришедъ убо обрящетъ ли вѣру на земли?* Лук. гл. 18. ст. 8. Вѣчная истина сама ясно прорекла отпаденіе отъ вѣры въ послѣднія времена. Безбожіе, лжевѣріе и кощунство надъ высочайшимъ и священнѣйшимъ, господствующія нынѣ въ мірѣ, служатъ сами собою тому доказательствомъ, столь же громко гласящимъ о истинѣ и божественности Христіанской религіи и священныхъ ея свидѣтельствъ, какъ ожесточеніе Жидовъ!... Но ничто не можетъ конечно быть трогательнѣе и убѣдительнѣе, какъ признанія самыхъ смертельныхъ враговъ Христіанскаго откровенія, изливавшіяся иногда можетъ быть и противъ воли изъ ихъ пера. Такое торжественное и надъ всякими возраженіями возвышенное свидѣтельство въ пользу Новаго Завѣта, находится у *Руссо* въ его Эмилѣ, часть 3. стран. 165. „Признаюсь вамъ, говоритъ онъ, что „величественность Священнаго Писанія меня

„удивляетъ, и святость Евангелія трогаетъ „мое сердце. Разсмотрите сочиненія философовъ со всею высокопарностію ихъ выраженій: сколь они малы и ничтожны въ сравненіи съ Евангеліемъ! Возможно ли, чтобы „книга, столь превосходная, а вмѣстѣ съ тѣмъ „столь простая, была твореніемъ человѣческимъ? Возможно ли, что бы Тотъ, Коего „исторія въ ней содержится, не былъ самъ, „ничто болѣе, какъ человѣкъ? Такъ ли говоритъ изступленный, или честолюбивый набиратель партіи? Какая кротость, какая „чистота въ Его нравахъ! Какая трогательная пріятность въ Его поступкахъ! Какая возвышенность въ Его правилахъ! Какая глубокая премудрость въ рѣчахъ Его? „Какое присутствіе духа, какая острота и „какая точность въ Его отвѣтахъ! Какое владычество надъ страстями своими! Гдѣ такой человѣкъ, гдѣ такой мудрецъ, который „бы такъ могъ дѣйствовать, страдать и умереть, безъ слабостей и безъ тщеславія! Когда Платонъ описываетъ воображаемаго имъ „праведника, подвергнутаго всѣмъ поношеніямъ „ужаснѣйшаго преступника, а по истинѣ заслуживающаго всѣ награды добродѣтели, то „описываетъ точь въ точь Іисуса Христа; „сходство сіе столь разительно, что всѣ отцы церковные оное примѣтили.“

„Какими предразсудками, какимъ ослѣпленіемъ долженъ объятъ быть тотъ, который бы дерзнулъ уподобить сына Софрониска, „(Сократа) сыну Маріи? . . . Какое между „ими безконечное разстояніе! Сократъ, умирая безъ боли, безъ поношенія, безъ трудности, могъ удержать характеръ свой до

„конца, и естьли бы легкая сія смерть не
„прославила жизни его, то при всей мудрости
„его, оставалось бы еще подъ сомнѣніемъ, былъ
„ли Сократъ что либо болѣе Софиста. Онъ
„изобрѣлъ, говорятъ, теорію нравоученія, но
„другіе прежде его соблюдали оное на самомъ
„дѣлѣ; слѣдственно ему нужно было только
„разсказать, что они дѣлали и обратить при-
„мѣры въ правила. Гдѣ же могъ Іисусъ Хри-
„стосъ почерпнуть между современниками
„своими то возвышенное и чистое нравоуче-
„ніе, которое Онъ преподавалъ и доказывалъ
„собственнымъ примѣромъ? Смерть Сократа,
„разсуждающаго спокойно съ друзьями своими,
„есть самая пріятная, какой токмо желать
„можно. Смерть Іисуса Христа, испустив-
„шаго духъ посреди мученій, при поруганіяхъ,
„поношеніяхъ и проклятіяхъ цѣлаго народа,
„есть самая ужаснѣйшая, какой токмо опа-
„саться можно. Сократъ, принявъ чашу, на-
„полненную ядомъ, благословилъ плачущаго
„подносителя оной. Іисусъ посреди ужаснѣй-
„шихъ мученій молился за ожесточенныхъ
„своихъ мучителей. По истинѣ, естьли Со-
„кратъ жилъ и умеръ какъ мудрецъ, то Іи-
„сусъ жилъ и умеръ, яко Богъ! Скажемъ ли
„мы, что исторія Евангелія есть произволь-
„ная выдумка? Нѣтъ, друзья мои, не такъ
„вещи изобрѣтаются: дѣянія Сократовы, въ
„истинѣ коихъ никто не сомнѣвается, гораз-
„до менѣе засвидѣтельствованы, нежели дѣя-
„нія Іисуса Христа. Въ самомъ дѣлѣ тако-
„вое предположеніе продолжило бы недоумѣніе,
„а не уничтожило бы онаго. Гораздо непонят-
„нѣе было бы, чтобъ многіе люди единогласно
„составили книгу сію, нежели, что существо-
„вало дѣйствительно лице, въ ней описанное.

„Никогда Еврейскіе сочинители не могли изоб„рѣсти ни сего образа изъясненія, ни сего „нравоученія. Евангеліе имѣетъ столь силь„ныя, столь разительныя и столь неподра„жаемыя знаменія истины, что изобрѣтатель „онаго болѣе бы заслуживалъ удивленія, нежели „лице, въ ономъ описанное.“

Божественность Новаго Завѣта выставлена въ ономъ открытымъ образомъ на подобіе луча солнечнаго. Какое же сердце долженъ имѣть тотъ, который можетъ противостоять силѣ всѣхъ сихъ доводовъ, ослѣпиться на счетъ сихъ столь удобопонятныхъ истинъ, и сказать: *я не могу вѣровать въ Евангеліе.* Самый однако вѣрнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ доводовъ о преизящности, святости и божественности Священнаго Писанія есть, безъ сомнѣнія, естественная къ оному ненависть и отвращеніе всѣхъ развратныхъ, нечестивыхъ тьму и беззаконіе любящихъ людей, и несказанное, постоянное ихъ стараніе искони, подъ наблюденіемъ и руководствомъ отца лжи, оглашать Священное Писаніе опаснымъ, опорочивать, искажать, и буде можно, вывести оное изъ употребленія. *Прагматическая исторія заговора противъ Священнаго Писанія и почитателей онаго,* была бы, послѣ Библіи, самою полезнѣйшею, поучительною и предостерегательною книгою для всѣхъ Христіанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ побужденіемъ держаться въ нощи и мракѣ, въ бурю и непогоду одного только Слова Божія, яко единственнаго и надежнѣйшаго якоря въ нуждѣ, и не предаваться искушеніямъ при слухѣ пѣнія адскихъ сиренъ. Тайна злобы открыта! — Въ той же мѣрѣ, какъ уваженіе къ Библіи уменьшается, возрастаютъ уваженіе и могущество силъ тьмы. Въ

мутной водѣ хорошо ловить рыбу. И такъ затрудняйте токмо Христіанамъ чтеніе Библіи: и прежде, нежели то чаете, явится паки мракъ среднихъ вѣковъ! Лишите міряňъ во, все Библіи, и языческая слѣпота и порочность въ еще ужаснѣйшемъ видѣ, нежели царствовали до временъ Христовыхъ, содѣлають землю позоромъ міросозданія и позовутъ десницу мщенія на истребленіе. Къ тому клонятся труды всѣхъ тѣхъ, кои, подъ личиною откровенія, вводятъ *натурализмъ*, и для споспѣшествованія царствію Антихриста, всемѣрно стараются возбранять всеобщее распространеніе Слова Божія. Покушеніе освободить нечестивыхъ людей отъ ихъ нечестія, безъ Бога, не можетъ вести ни къ чему иному, какъ къ всеобщей погибели. Единственный противъ сего оплотъ есть Слово Божіе! *Блажени слышащіи, чтущіи и хранящіи оное!* . . . .

Л. фанъ Эссъ.

Марбургъ
въ Мартѣ 1816 года.